

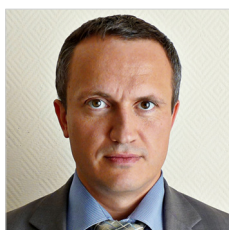
DOI: 10.19181/sntp.2026.8.2.5

EDN: NRVAUA

Научная статья

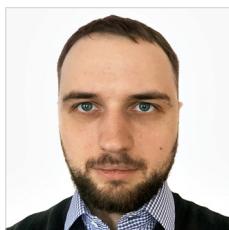
Research article

КОНКУРЕНЦИЯ В НАУКЕ РОССИИ: ОБОЮДНЫЙ ДЕФЕКТ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ И ЕСТЕСТВЕННОЙ КОМПОНЕНТ

**Гусев
Александр Борисович¹**

¹ ООО «Социологическая служба “Решающий голос”»,
Москва, Россия

**Юревич
Максим Андреевич²**

² Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН,
Москва, Россия

Для цитирования: Гусев А. Б., Юревич М. А. Конкуренция в науке России: обоюдный дефект институциональной и естественной компонент // Управление наукой: теория и практика. 2026. Т. 8, № 2. С. 79–103. DOI 10.19181/sntp.2026.8.2.5. EDN NRVAUA.

Аннотация. Статья посвящена проблеме формирования в науке эффективной системы конкуренции, позволяющей максимизировать результативность и поддерживать здоровую профессиональную среду. Исследование построено на гипотезе об иерархической трёхуровневой модели конкуренции, включающей верхний институциональный уровень, который определяет вектор развития науки (уровень 1: политическая конкуренция), оперативно-тактический институциональный контур (уровень 2: конкуренция за целеполагание и ресурсы) и уровень естественной конкуренции исследователей за новые открытия (уровень 3). Качественное состояние отношений на каждом уровне конкуренции и их взаимное влияние формируют отраслевой облик конкуренции. Цель работы заключается в выявлении соперничающих позиций на двух институциональных уровнях конкуренции и оценке их сопряжения с уровнем естественной конкуренции. Информационной базой исследования выступили результаты опросов «Научная политика России» 2021–2024 гг., которые позволили вскрыть и систематизировать искомые позиции.

На основе данных социологических опросов и анализа нормативно-правовых актов показан сбой на верхнем уровне политической конкуренции, когда выбор между инерционным и мобилизационным режимами развития науки не состоялся и был заменён паллиативными тезисами, соответствующими умеренным настроениям большей части научного сообщества. На оперативно-тактическом уровне по причине

низкого доверия к государственным регуляторам научное сообщество стремится перехватить у государственных структур рычаги управления научной сферой, замкнув на себе вопросы определения целей, отбора исполнителей и приёмки результатов, но сохранив в значительной степени зависимость от бюджетных расходов на исследования и разработки. Естественная конкуренция исследователей зависит от их пассионарности и конструктивности настроек на институциональных уровнях конкуренции. Угасание первого фактора и недоопределённость второго приводят к беспредметности естественной конкуренции, разложению этических норм, что было показано на примере практики присуждения незаслуженных, по мнению представителей научного сообщества, учёных степеней. По результатам исследования сделан вывод о том, что необходимыми условиями для реализации эффективной модели конкуренции в науке являются определённость адекватного вектора развития науки (уровень 1) и достаточная пассионарность научного сообщества (уровень 3). В свою очередь эффективная модель конкуренции сможет выстроить институционально пассионарный (энергичный и результативный) научно-технологический комплекс как систему.

Ключевые слова: конкуренция в науке, научно-техническая политика, стратегия развития науки, мобилизация науки, пассионарность в науке

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-78-10068, «Новая парадигма российской науки: изменение конкурентных условий и рыночная ориентация научного знания».

COMPETITION IN RUSSIAN SCIENCE: A MUTUAL DEFECT OF THE INSTITUTIONAL AND NATURAL COMPONENTS

Alexander B. Gusev¹

Maxim A. Yurevich²

¹ ООО “Sociological Service ‘Decisive Vote’”, Moscow, Russia

² Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the RAS, Moscow, Russia

For citation: Gusev A. B., Yurevich M. A. Competition in Russian science: A mutual defect of the institutional and natural components. *Science Management: Theory and Practice*. 2026;8(2):79–103. (In Russ.). DOI 10.19181/smtp.2026.8.2.5.

Abstract. This article addresses the problem of forming an effective competition system in science that maximizes productivity and maintains a healthy professional environment. The research is based on the hypothesis of a hierarchical three-level model of competition, which includes the upper institutional level that determines the vector of scientific development (Level 1: political competition), the operational-tactical institutional circuit (Level 2: competition for goal-setting and resources), and the level of natural competition among researchers for new discoveries (Level 3). The qualitative state of relations at each level of competition and their mutual influence shape the specific character of competition in the field. The aim of this work is to identify competing positions at the two institutional levels of competition and to assess their alignment with the level of natural competition. The information base for the study comprises the results of the “Science Policy

of Russia” surveys from 2021–2024, which made it possible to uncover and systematize the sought-after positions.

Drawing on sociological survey data and an analysis of regulatory legal acts, we demonstrate a malfunction at the upper level of political competition, where a choice between the inertial and mobilization modes of scientific development was not made and was replaced by palliative theses aligned with the moderate sentiments of the majority of the academic community. At the operational-tactical level, due to low trust in state regulators, the research community seeks to intercept the levers of managing the scientific sphere from state structures, taking upon itself the tasks of defining goals, selecting performers and approving results, while largely maintaining its dependence on budget expenditures for research and development. The natural competition among researchers depends on their passionarity and the constructive settings at the institutional levels of competition. The decline of the first factor and the indeterminacy of the second one lead to the aimlessness of natural competition and the erosion of ethical norms, as illustrated by the example of the practice of awarding undeserved academic degrees, according to representatives of the research community. The study concludes that the necessary conditions for implementing an effective model of competition in science are the certainty of an adequate vector for scientific development (Level 1) and sufficient passionarity within the academic community (Level 3). In turn, an effective competition model will be able to build an institutionally passionate (energetic and effective) science and technology complex as a system.

Keywords: competition in science, science and technology policy, science development strategy, mobilization of science, passionarity in science

Acknowledgments. The study was supported by the Russian Science Foundation grant No. 25-78-10068, “The New Paradigm of Russian Science: Changing Competitive Conditions and Market Orientation of Scientific Knowledge”.

ВВЕДЕНИЕ

Конкуренция в науке – это, с одной стороны, естественное явление, а с другой – настраиваемый параметр в системе государственного управления сектором исследований и разработок. В естественной трактовке под конкуренцией понимается соперничество научных идей, решений, борьба за доступные ресурсы на проведение исследований. В управлении наукой конкуренция закрепляется разного рода институтами, эволюционирует, усложняется. При этом естественная и институциональная компоненты конкуренции оказывают взаимное влияние друг на друга, усиливая либо ослабляя конструктивный потенциал друг друга. Обе компоненты конкуренции имеют свойство вырождаться в имитации.

Для российской науки проблема разработки и реализации оптимальной модели конкуренции остаётся актуальной нерешённой задачей. Результативность и эффективность науки находятся в сложной зависимости от конкуренции и степени её остроты. Вместе с тем, во внутриполитической организации государства опыт разных стран в различные периоды развития показывает, что достижение успеха возможно при любом режиме конкуренции: от жёсткого и публичного (США) до латентного и ограниченного (Китай) [1]. Можно полагать, что данный тезис справедлив и по отношению к сектору исследований и разработок с учётом особенностей стран.

Разделение конкуренции в науке на естественную и искусственную было предложено в обширном обзоре научных работ за более чем 50-летнюю ретроспективу [2]. Под искусственной конкуренцией его автор понимает соперничество, которое складывается в системе управления наукой и негативно отражается на самой науке, приводя в качестве примера деструктивное влияние неолиберальной научной политики. Однако, как следует из данного обзора, к искусственной конкуренции также относятся отношения, порождённые неэффективными управленческими нормами.

В данной статье предпринята попытка методически усилить идентификацию институциональной конкуренции в науке и оценить её влияние на естественное соперничество. В связи с этим предлагается рассматривать три уровня конкурентных отношений в науке, которые интегрируют институциональную и естественную компоненту в пирамидную иерархическую систему. Первый уровень институциональной конкуренции (ИК-1) – конкуренция за вектор развития науки. Второй уровень институциональной конкуренции (ИК-2) – конкуренция за целеполагание. Третий уровень – соперничество среди исследователей, научных коллективов и организаций (естественная конкуренция (ЕК)). В данной работе предлагается исходить из того, что прохождение конкурентных институциональных «развилок» в ИК-1, а также ИК-2 определяет конструктивность или бессмысленность конкурентных отношений в ЕК. С другой стороны, тонус естественной конкуренции формирует спрос на институциональные изменения.

С методической точки зрения применение результатов профильных социологических исследований для достижения поставленной цели становится практически безальтернативным, если стоит задача опираться на какие-либо эмпирические оценки и не ограничиваться исключительно теоретическими рассуждениями. Обращаясь к накопленному массиву данных из проведённых в 2021–2024 гг. опросов «Научная политика России», «Будущее российской науки: академия и наукоёмкие отрасли», необходимо отметить, что ни в одном из исследований конкуренция как объект специально не рассматривалась. Отсюда – достижение цели исследования, проистекающей из гипотезы о трёхуровневой структуре конкуренции и взаимном влиянии институциональной и естественной компонент, основано на мозаичной подборке релевантной фактуры.

Институциональная «межвидовая» конкуренция науки с иными частями государственного сектора, в т. ч. за политическое внимание, размер бюджетного финансирования, не рассматривается в связи с дефицитом информации об обстоятельствах такой конкуренции и факторах её промежуточных исходов.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Институциональная компонента конкуренции в науке – это один из управленческих способов активизации имеющихся ресурсов для достижения целей научно-технологического развития государства и поддержания здоровой среды в научном сообществе.

В данной работе мы будем исходить из следующих гипотез о настройке институциональной компоненты конкуренции в науке:

- конкуренция имеет наибольшее значение на волне роста или в период мобилизации, но малопродуктивна на этапе стагнации и бессмысленна на этапе угасания активности в отрасли;
- конкуренция по своему масштабу и градусу должна быть необходимой и достаточной для достижения лучшего результата при избежании негативных последствий для отрасли в связи с ростом непроизводительных издержек либо негативных исходов конкурентной борьбы, девальвирующих естественную конкуренцию;
- при некорректной настройке, а также под воздействием различного рода факторов конкурентные механизмы могут трансформироваться в псевдоконкуренцию, положительное или отрицательное значение которой для отрасли будет определяться контекстом.

Задача данного исследования состоит в выявлении наиболее острых «каменной преткновения» в институциональной компоненте конкуренции (на первом и втором уровнях), которые генерируют «расколы» мнений в научном сообществе, и оценка их влияния на конструктив естественной конкуренции на низовом третьем уровне. Условие о «расколах» представляется принципиально важным, поскольку субъективное отношение к противоборствующим сценариям будущего, механизмам конкуренции, условиям их реализации в значительной степени предопределяет их жизнеспособность и качество восприятия, т. к. прямо или косвенно это зависит от представителей научного сообщества. Именно они занимают различные должности в отрасли, входят в консультативные советы федеральных органов власти, экспертные советы финансирующих структур. Для выявленных механизмов конкуренции, порождающих дихотомию оценок инсайдеров, будут рассмотрены промежуточные итоги принятых управленческих решений в российской науке. Это позволит на основе имеющихся фрагментов составить общую модель конкуренции, заложенную в российскую науку, включая критически важные пробелы в ней или недоопределённости.

ПРОБЛЕМЫ ЕСТЕСТВЕННОЙ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

Естественную компоненту конкуренции можно считать следствием пассионарности членов научного сообщества как в личном, так и в профессиональном отношении. В свою очередь отраслевая пассионарность является отражением пассионарности нации, в которой она существует. В работе [3] были раскрыты основные слагаемые и механизмы пассионарности общества: этические нормы, институт семьи, национальный язык. Если перейти на отраслевой уровень, то представляется возможным найти пересечения антипассионарных качеств научного сообщества (научной среды) с выделенными макрофакторами. Например, стремление к иммиграции, ослабленная ментальная связь с Россией и самопозиционирование в качестве гражданина мира, Европы и др. [4] указывают на отраслевой дефект макрофактора «семья»; распространение практики нарушения научной этики [5] указывает на дефект макрофактора

«этические нормы»; получившая распространение двуязычность многих отечественных научных журналов с переводом на иностранный язык названий статей, аннотаций, названий рисунков и таблиц, списка литературы, а также вкраплениями в номера журналов публикаций полностью на иностранном языке размывает макрофактор «язык». Отдельной задачей могла бы стать оценка отраслевых компонент пассионарности, определяющих естественную конкуренцию в науке, по фазам («активная», «зомби», «нуль»), проиллюстрированным в статье [3].

Следует также обратить внимание на два сценария вырождения естественной конкуренции. Первый сценарий характеризуется стремлением внутри научного сообщества искусственным образом ограничить генерацию идей, когда отдельной группой «великих» учёных вводится понятие «мейнстрима», аккумулирующее идеологически окрашенные объекты, методы и прочие сущности. Такой олигархический «мейнстрим» автоматически признаёт ничтожными и придаёт забвению научные исследования и результаты, не вписывающие в его рамки. Второй сценарий предполагает вытеснение естественной конкуренции усиливающимися бизнес-установками научного сообщества. Отсюда приоритетной целью становится не открытие истины, а максимизация коммерческого результата.

Функционал институциональной компоненты конкуренции в развитии науки на определённом отрезке времени может быть представлен в виде трёх вариантов: «обременять и подавлять», «не помогать и не мешать», «направлять и поддерживать».

История советской науки часто характеризуется как «плановая» и «бесконкурентная», однако историко-социологические исследования показывают, что конкурентные отношения в ней не отсутствовали, а были институционально трансформированы и распределены по вертикали управления [6, с. 205–207]. Так, в СССР политический уровень конкуренции проявлялся не в виде плюрализма, а как борьба между мобилизационными и инерционными режимами научно-технической политики. В периоды мобилизации (1930-е гг., атомный проект 1940–1950-х гг., космическая программа 1950–1960-х гг.) государство чётко задавало приоритеты, концентрируя ресурсы на прорывных направлениях. В инерционные периоды (1970–1980-е гг.) вектор размывался: отсутствие однозначного выбора между «догоняющей» и «опережающей» моделью развития приводило к паллиативным решениям, идеологическим компромиссам и замещению научных приоритетов ведомственными интересами [7].

На уровне распределения ресурсов, целеполагания и контроля в СССР сформировалась система «ведомственной разобщённости». Конкуренция разворачивалась между АН СССР, отраслевыми академиями, министерствами и вузами. Низкое доверие между научным сообществом и государственными регуляторами (ГКНТ, Госплан, министерства) компенсировалось созданием параллельных структур экспертизы, дублированием тематик и «закрытым» распределением фондов [8]. Научное сообщество стремилось перехватить рычаги управления через внутренние экспертизы и «академическое самоуправление», однако сохраняло жёсткую бюджетную зависимость [9]. Это породило гибридную конкурентно-распределительную модели, где формальные процедуры отбора

исполнителей часто подменялись ведомственными квотами и номенклатурными согласованиями [10]. Несмотря на централизацию, на микроуровне сохранялась естественная конкуренция за приоритет, публикационную активность и признание. Однако в условиях инерционного режима и институциональной неопределённости конкуренция трансформировалась в борьбу за формальные показатели (в т. ч. количество публикаций) [11; 12].

В российской науке сопряжение естественной и институциональной компонент конкуренции приобретает, скорее, антагонистический характер с ущербом, как правило, самому научному сообществу. В этих отношениях достаточно явно проявляет себя закон Ч. Гудхарта [13]. При установлении со стороны управляющей системы показателей научной деятельности, выступающих средством измерения результативности и соответственно конкурентоспособности в науке, включается быстрая «обратная связь», когда профессиональная среда учится их обходить либо достигать недобросовестными способами. Одним из эффектов обучения стали трюки в наращивании публикационной активности, которые хорошо известны в России и за рубежом [14].

Существуют и обратные примеры, когда позитивные конкурентные установки со стороны управляющей системы, направленные на «очищение», «отбор лучших», были встречены сопротивлением и саботированы в научном сообществе. К числу таких относится пресловутая система оценка результативности деятельности научных организаций, формально внедрённая в 2009 г.¹, но остающаяся до сих пор административным балластом.

Отдельного внимания заслуживают особые «форсажно-холостые» институты, которые, поднимая волну исследовательской активности в борьбе за призовые ресурсы, на выходе генерируют нулевой результат как для системы управления, так и для науки, тем самым рассеивая собравшиеся остатки энергии и энтузиазма. Примером такого института являются «комплексные научно-технические программы и проекты полного инновационного цикла»² [15; 16, с. 78–79].

Встречаются ли эпизоды, когда институциональная компонента конкуренции вместе с естественной системно обеспечивали лучшие условия для научных достижений? Скорее всего, их следует искать в истории науки, в т. ч. относящейся к периоду расцвета Советского Союза и соответственно его научно-технологического комплекса, соперничавшего с американским. При этом история науки богата примерами, когда большие научные результаты были достигнуты исключительно благодаря пассионарности исследователей.

Следуя поставленной задаче, сконцентрируемся на анализе современной повестки институциональной конкуренции на первом и втором уровнях.

¹ Постановление Правительства РФ от 08.04.2009 г. № 312 «Об оценке и о мониторинге результативности деятельности научных организаций, выполняющих научно-исследовательские, опытно-конструкторские и технологические работы гражданского назначения».

² Постановление Правительства РФ от 19.02.2019 г. № 162 «Об утверждении Правил разработки, утверждения, реализации, корректировки и завершения комплексных научно-технических программ полного инновационного цикла и комплексных научно-технических проектов полного инновационного цикла в целях обеспечения реализации приоритетов научно-технологического развития Российской Федерации».

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ПЕРВОГО УРОВНЯ: МЕЖДУ ИНЕРЦИОННОСТЬЮ И МОБИЛИЗАЦИЕЙ

Точкой отсчёта для настройки институциональных конкурентных механизмов являются цель и задачи науки на текущий момент и в обозримой перспективе. Как утверждается в Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации от 2024 г., в период 2002–2021 гг. отечественная наука отвечала на некоторые «большие вызовы», а с 2022 г. начался этап мобилизационного развития научно-технологической сферы в условиях санкционного давления³ с неограниченным горизонтом планирования. Мобилизация никогда не может иметь перманентный характер, что авторы документа либо упускают из виду, либо под анонсированным мобилизационным развитием понимают нечто неозвученное. В то же время признание необходимости мобилизации – это не только подтверждение неспособности системы в текущей конфигурации решать задачи, но и доказательство неэффективности управления в ретроспективе. Накопленные за многие годы ошибки, пласт невыполненных работ, неполученных результатов придётся исправить, выполнить, получить теперь уже в ускоренном режиме.

В период ответа на «большие вызовы» и на провозглашённом этапе мобилизации фактор конкуренции принимает совершенно разный облик. Логично предположить, что мобилизация сокращает пространство для конкуренции в науке с точки зрения охватываемых субъектов, проектов, сжимает время для появления результатов такой конкуренции. При этом значимость (цена) проектов, на которые распространяется конкуренция, существенно повышается. В таблице 1 представлены параметры институциональной конкуренции в науке, которые сложились в период до 2022 г., и показано, какими они могли бы стать после.

Таблица 1

Сравнительная характеристика атрибутов институциональной конкуренции в науке в разные периоды времени

Table 1

Comparative characteristics of the attributes of institutional competition in science in different time periods

Параметр	Наука, отвечающая на «большие вызовы» (2002–2021 гг.)	Наука, мобилизованная для ускоренного решения актуальных научно-технических задач (с 2022 г.)
Состав объектов конкуренции	Широкий	Узкий
Значимость объекта конкуренции	Не имеет значения	Высокая
Круг участников конкуренции	Широкий	Узкий
Временной период для подведения итогов конкуренции	Не имеет значения	Короткий
Влияние конкуренции на получение лучших научных результатов	Не определено либо эпизодическое	Высокое
Соотношение фундаментальных и прикладных исследований	Исторически сложившееся	В пользу прикладных научных исследований
Цена негативных последствий возникновения псевдоконкуренции	Не определено	Высокое

³ Указ Президента РФ от 28.02.2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

Опираясь на таблицу 1, следует сделать вывод о том, что конкуренция в период стабильного и в значительной степени инерционного функционирования науки, не подкреплённая внятыми целями, вообще не имеет самостоятельного значения, чаще всего имитируется, становится псевдоконкуренцией. Естественная конкуренция в очень ограниченном объёме ещё может теплиться за счёт внутренней мотивации исследователей и пассионарных энтузиастов.

Конечно, период мобилизации создаёт не самый комфортный режим для науки с точки зрения свободы научного творчества, но он приносит новые возможности, которые могли бы никогда не открыться при других условиях. Весной 2022 г. был проведён опрос научного сообщества, одной из тем которого стала мобилизация гражданской науки⁴ и отношение к такому сценарию дальнейшего развития.

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, необходимо ли переводить науку Российской Федерации в мобилизационный режим функционирования?», %

Table 2

Distribution of answers to the question “Do you think it is necessary to transfer science in the Russian Federation to a mobilization mode of operation?”, %

Вариант ответа	Все респонденты
Необходимо и в кратчайшие сроки	26,4
Необходимо, но постепенно, в течение ближайших лет	25,1
Такой необходимости нет	33,0
Затрудняюсь ответить	6,9
Другое	8,6

Справочно: число ответивших респондентов – 3271 чел. Источник: [17].

For reference: the number of respondents was 3,271 people. Source: [17].

Полученные данные показывают, что, казалось бы, в очевидной ситуации едва удалось набрать простое большинство голосов за реализацию мобилизационного сценария (таблица 2). При этом группа сторонников перехода к такому сценарию раскалывается надвое во взглядах о его срочности. Треть исследователей вообще не увидели необходимости в мобилизации интеллектуальных ресурсов.

Каковы ожидаемые последствия мобилизации науки? Очевидно, изменения затронут систему целеполагания, обеспеченность ресурсами, а также условия личного труда в науке.

Результаты опроса указывают на ожидания исследователей качественных изменений в научной повестке. 35% опрошенных считали, что новые установки приведут к снижению либо утрате актуальности проводимых ими научных исследований, и только 18% респондентов предвидят для себя новые возможности. В этих условиях более уместно говорить о готовности к весьма

⁴ Под мобилизационным режимом функционирования науки понимается такое управление научно-техническим потенциалом и распределение ресурсов, при которых форсированным образом должны решаться первостепенные научные, научно-технические задачи государственного значения, в т. ч. в целях ускоренного импортозамещения технологий и техники.

ограниченной мобилизации. Ужесточение же конкуренции при отборе научных проектов, которое принесёт мобилизация науки, спрогнозировали 28% опрошенных (таблица 3).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Чего можно ожидать в случае перевода науки на мобилизационный режим в области целеполагания для науки?» (допускался выбор нескольких вариантов ответа), %

Table 3

Distribution of answers to the question “What can be expected in the case of the transfer of science to a mobilization mode in the field of goal-setting for science?” (a choice of several possible answers was allowed), %

Вариант ответа	Все респонденты	Качественная оценка
Преимущественно директивная постановка научно-технических задач	45,7	Ожидание повышения конкуренции в целеполагании Трансформация научной повестки под диктовку государства
Акцент на ускоренное импортозамещение	39,3	
Сокращение количества инициативных исследований	42,2	
Ужесточение требований к отбору научных проектов	27,7	Ожидание повышения конкуренции исполнителей
Повышение актуальности моей тематики научных исследований	18,4	Ожидания приобретений от мобилизации
Снижение актуальности моей тематики научных исследований	21,2	Ожидание потерь от мобилизации
Утрата актуальности моей тематики научных исследований	13,6	
Другое	7,0	–
Затрудняюсь ответить	6,1	–

Справочно: число ответивших респондентов – 3225 чел. Источник: [17].

For reference: the number of respondents was 3,225 people. Source: [17].

Переход к мобилизации науки запустит процессы пересмотра подходов к формированию научной повестки, когда ведущая роль в целеполагании перейдёт в сторону государственных структур, а роль научного сообщества станет преимущественно консультативной. Одновременно с этим прогнозируется усиление конкуренции между исполнителями.

В 2023 г. был сформирован номер журнала «Управление наукой: теория и практика», значительная часть которого была посвящена обсуждению вопросов мобилизации науки. Многие авторы публикаций осторожно склонялись в сторону ограниченной мобилизации [18–20], подчёркивая высокие риски и ювелирную избирательность данного мероприятия.

Сведения о настроениях научного сообщества по поводу новой повестки научных исследований дополняются фрагментом опроса, проведённого осенью 2022 г. [21]. В частности, респондентам был предложен вопрос о приоритетности финансирования фундаментальных или прикладных научных исследований на горизонте до 2031 г. (таблица 4). Контекст мобилизации не упоминался.

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Какой, на Ваш взгляд, должна стать система управления наукой в России в результате в ближайшие годы <в контексте Десятилетия науки и технологий в России>?» (соотношение финансирования фундаментальных и прикладных научных исследований), %

Table 4

Distribution of answers to the question “In your opinion, what should the science management system in Russia consequently become in the coming years <in the context of the Decade of Science and Technology in Russia>?” (the ratio of funding for fundamental and applied scientific research), %

Сценарий 1	Вариант ответа							Сценарий 2
	Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
	«3»	«2»	«1»		«1»	«2»	«3»	
При финансировании приоритет получают прикладные исследования.	5,8	7,5	8,4	52,6	6,7	9,1	9,9	При финансировании приоритет получают исследования, направленные на решение крупных фундаментальных научных проблем.

Справочно: число ответивших респондентов – 4265 чел. Респонденту было предложено выбрать одну из цифр в зависимости от предпочтительности левого или правого вариантов (3 – «полностью поддерживаю», 0 – «и то, и другое в равной степени»). *Источник:* [21].

For reference: the number of respondents was 4,265 people. Respondents were asked to choose one of the numbers depending on the preference of the left or right options (3 – “I fully support”, 0 – “the one and the other equally”). *Source:* [21].

Вновь умеренность научного сообщества, стремление избежать каких-либо перекосов свидетельствуют о низкой готовности к объективным экзистенциальным переменам. Более половины респондентов (52,5%) фактически высказались за отсутствие приоритетов, чтобы «всем было хорошо». При этом более радикально настроенная группа приверженцев «прикладной науки» (21,7% опрошенных) уравновесила когорту абсолютистов «фундаментальной науки» (25,7% опрошенных). Таким образом, баланс фундаментальной и прикладной науки ко всеобщему согласию остался ненарушенным.

Теперь рассмотрим, каким образом на такой отклик научного сообщества относительно мобилизации науки накладывается управленческая линия (на вербальном уровне и в практическом отношении).

В Стратегии научного технологического развития России текущий этап объявлен периодом мобилизационного развития (не мобилизации), что примерно соответствует мнению простого большинства респондентов (таблица 2). Соглашаясь с недостатками данного документа, изложенными в [22], следует добавить, что сущность мобилизационного развития науки (полного либо частичного) также не была раскрыта, а его имплементация остаётся мало заметной в краткосрочном аспекте, как бы потакая мнению части исследователей об отсроченном характере активизации усилий. Исследователи, желающие

реализовать мобилизационный режим функционирования незамедлительно, теоретически могли и могут это сделать самостоятельно без команды от государства. В то же время противники мобилизации науки или неопределёвшиеся продолжают пользоваться благосклонностью бюджетного финансирования к инициативным темам фундаментального и прикладного характера, особенно по линии государственного задания в сфере науки. Таким образом, управленческая повестка в области мобилизации науки на 100% соответствует внутренним настроениям научного сообщества по этому поводу. Надо полагать, что реализовать мобилизационную модель развития науки удастся только лидеру, обладающему волей и полномочиями. В настоящий момент такие лидеры в отрасли не обозначились.

Следует добавить ещё одно замечание. В 2021 г. указом Президента РФ было определено, что научно-технологическое развитие – это один из приоритетов, обеспечивающих национальную безопасность⁵. Состав показателей Стратегии научно-технологического развития России от 2024 г., хронологически отвечающих периоду декларируемого мобилизационного развития науки, имеет весьма косвенное отношение к национальной безопасности. Количественные значения показателей на период до 2035 г.⁶ показывают весьма скудный вклад ожидаемых достижений научно-технологического развития в защищённость национальных интересов от внутренних и внешних угроз. В этой связи к таким публичным управленческим шагам следует относиться именно как к отсрочке на неопределённый период реальной мобилизации науки. По другой версии это можно считать отвлечением внимания на негодный объект.

Таким образом, вставшая в полный рост в 2022 г. конкуренция между инерционным и мобилизационным сценариями развития российской науки на ближайшую перспективу формально и вербально недоразрешилась в 2024 г. в пользу последнего. Содержание мобилизационного пути не раскрыто по масштабу (выборочно, тотально), временным срокам, охватываемым направлениям и субъектам, что говорит о нереализованном решении. Кроме того, регуляторный путь для науки раздвоился и представлен теперь конкурирующими сущностями, проистекающими из Федерального закона «О науке и государственной научно-технической политике» от 23.08.1996 г. № 127-ФЗ (ключевые субъекты: Управление по науке и образованию Администрации Президента РФ, Минобрнауки России) и Федерального закона «О технологической политике в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 28.12.2024 № 523-ФЗ (Минэкономразвития России). Таким образом, вертикаль управления наукой утрачена, и впереди ожидает долгий этап внутриуправленческой конкуренции за влияние и ресурсы.

Спускаясь по структуре конкуренции ниже, перейдём к рассмотрению институциональной конкуренции второго уровня.

⁵ Указ Президента РФ от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 10.04.2025 г. № 880-р.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ ВТОРОГО УРОВНЯ: ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ И РЕСУРСЫ

Поскольку переход от инерционного состояния к мобилизационному остаётся незавершённым (если вообще начинался), то конкуренция в науке сохраняет черты, присущие ей в условиях инерционного режима (таблица 1). Вместе с тем следует отметить ряд разнокалиберных конкурентных установок второго порядка, которые не могут компенсировать дефицит неопределённости исхода конкуренции за вектор развития науки в ближайшей перспективе, но способны всё же немало повлиять на комфортность исследовательского климата (например, выключить ориентир на конечный научный результат или гарантию его получения). Здесь речь идёт о малопродуктивной конкуренции, протекающей в условиях стагнации.

Желаемый выбор научным сообществом между конкурирующими административными сценариями приведён в таблице 5.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Какой, на Ваш взгляд, должна стать система управления наукой в России в результате в ближайшие годы <в контексте Десятилетия науки и технологий в России>?» (субъекты политики и финансирования науки, организация науки), %

Table 5

Distribution of answers to the question “In your opinion, what should the science management system in Russia consequently become in the coming years <in the context of the Decade of Science and Technology in Russia>?” (subjects of science policy and funding, organization of science), %

№	Сценарий 1	Вариант ответа						Сценарий 2	
		Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
		«3»	«2»	«1»		«1»	«2»		«3»
1.	Научная политика и целеполагание								
1.1.	Научная политика определяется сообществом учёных (РАН, экспертные советы, научные ассоциации).	42,7	19,4	8,0	17,7	3,6	3,7	4,9	Научная политика определяется федеральными органами власти (Администрация Президента РФ, Госсовет, Правительство РФ, Минобрнауки России, профильные комитеты Совета Федерации и Думы).
1.2.	Направления исследований определяются самими учёными и научными коллективами, а государство обеспечивает благоприятные условия для научной деятельности.	29,8	14,9	6,9	22,9	5,5	9,0	11,0	Направления исследований и условия научной деятельности определяются государством на основании приоритетов развития страны.

Продолжение Табл. 5 см. на стр. 92

Продолжение Табл. 5

№	Сценарий 1	Вариант ответа							Сценарий 2
		Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
		«3»	«2»	«1»		«1»	«2»	«3»	
2.	Финансирование науки								
2.1	Научные исследования финансируются преимущественно из государственного бюджета.	28,6	22,1	10,2	32,3	3,2	2,0	1,6	Научные исследования финансируются преимущественно бизнесом.
2.2	Существует множество источников грантовой поддержки, несколько государственных и частных научных фондов.	49,7	16,8	5,7	13,5	3,5	3,8	7,0	Грантовая поддержка осуществляется централизованно, одним научным фондом.
3.	Организация науки и оценка результативности								
3.1	Экспертиза отчётов НИР, заявок на гранты и государственные задания осуществляется представителями научного сообщества.	55,6	18,6	6,2	11,7	2,4	2,3	3,2	Экспертиза отчётов НИР, заявок на гранты и государственные задания осуществляется специально подготовленными госслужащими.

Справочно: число ответивших респондентов – 4265 чел. Респонденту было предложено выбрать одну из цифр в зависимости от предпочтительности левого или правого вариантов (3 – «полностью поддерживаю», 0 – «и то, и другое в равной степени»). *Источник:* [21].
For reference: the number of respondents was 4,265 people. Respondents were asked to choose one of the numbers depending on the preference of the left or right options (3 – “I fully support”, 0 – “the one and the other equally”). *Source:* [21].

На основе представленных данных складывается сложная картина. Если судить по консолидированному мнению научного сообщества, именно оно должно в значительной степени определять (почти диктовать) научную политику (таблица 5, пункт 1.1). В области направлений научных исследований имеется слабая готовность к сотрудничеству с государственными структурами (таблица 5, пункт 1.2). Приёмка результатов остаётся в компетенции самого научного сообщества (таблица 5, пункт 3.1). В целом же государственным институтам следует находиться подальше от этих вопросов. При этом основным источником финансирования научных исследований должен выступать бюджет, а расходы бизнеса на науку, по умолчанию предполагающие нелиберальные требования к разработчикам, становятся малым довеском в общую копилку и актуальны для тех, кто сможет таким требованиям удовлетворять (таблица 5, пункт 2.1). На качественном уровне именно такая макроструктура расходов на исследования и разработки прочно закрепились в России.

Вместе с тем большинство участников опроса выступило против монополии в сфере грантовой поддержки научных исследований через фонды (таблица 5, пункт 2.2), которая формально в России отсутствует, но фактически реализуется в полной мере (в 2014 г. РФФ пришёл на смену РФФИ, и по масштабу деятельности ему нет равных на данном поле).

Таким образом, научное сообщество склонно перехватывать государственные функции по тактико-оперативному управлению наукой, но остаётся финансово зависимым от государства. В проявленной позиции («сам заказал работу – сам сделал работу – сам принял результаты») есть существенная уязвимость. Потенциальный объект мобилизации (научное сообщество), желающий выступать и, как показывает практика, реально выступающий в роли субъекта управления, наверняка, в добровольном порядке никогда не одобрит никакую самоорганизацию и тем более её не проведёт, поскольку интенсивный рабочий режим с полнотой ответственности за результат весьма далёк от привычного комфорта в инерционном сценарии за государственный счёт.

Очевидно, такое самоопределение научного сообщества выглядит вызывающим и неконструктивным. Обращаясь же к причинам этого латентного конфликта с государственными институтами за право целеполагания и распоряжения ресурсами, мы обнаруживаем отсутствие доверия научного сообщества к государственным структурам (таблица 6).

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы доверяете следующим организациям и сообществам в управлении государственной научной политикой нашей страны?», %

Table 6

Distribution of answers to the question “How much do you trust the following organizations and communities in managing the state science policy of our country?”, %

Оцениваемый субъект	Вариант ответа						
	Полностью доверяю	Скорее доверяю	В чём-то доверяю, в чём-то нет	Скорее не доверяю	Абсолютно не доверяю	Не имею достаточной информации о работе данной структуры	Затрудняюсь ответить
Российская академия наук	10,2	39,2	28,0	11,0	6,0	4,6	0,9
Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию	3,3	14,3	18,8	21,5	14,8	25,8	1,4
Управление Президента РФ по научно-образовательной политике	3,2	10,9	14,6	20,6	19,5	29,8	1,3
Минобрнауки России	2,8	10,8	26,5	30,6	23,6	5,0	0,8
Комиссия по научно-технологическому развитию РФ	2,0	11,4	16,0	14,4	10,9	43,7	1,7
Комитет Госдумы РФ по науке и высшему образованию	1,8	7,3	16,0	23,9	26,6	23,3	1,2
Комитет Совета Федерации РФ по науке, образованию и культуре	1,7	6,5	13,2	21,3	24,1	31,7	1,4

Справочно: число ответивших респондентов – 4145 чел. Источник: [21].

For reference: the number of respondents was 4,145 people. Source: [21].

Данные таблицы 6 показывают, что сравнительно высоким, но далеко не абсолютным уровнем доверия пользуется РАН как высший представительный орган научного сообщества, опережая даже Совет при Президенте Российской Федерации по науке и образованию, в состав которого входят и представители науки, и чиновники. Исключительно государственные структуры федерального уровня, формально относящиеся к регуляторам, вообще не популярны, а некоторые – малоизвестны (профильное управление Администрации Президента РФ, Комиссия по научно-технологическому развитию Российской Федерации, Минобрнауки России, комитеты Совета Федерации и Государственной Думы). Выводы о низком доверии к официальным управленческим структурам сопоставимы с результатами исследования, проведённого в 2021 г., где использовался близкий по смыслу вопрос в отношении более узкого круга субъектов [23]. Однако по критерию доверия к государственным структурам научная сфера не является эксклюзивным случаем, и общее скептическое восприятие официальных структур является в российском обществе системным. Рассматривая близость таких чувств, как «доверие» и «одобрение», по отношению к внешним объектам, можно сделать аналогичные выводы о дефиците лояльности по отношению к судебной системе, политическим партиям и др., за исключением Российской армии и Русской православной церкви⁷.

Остаётся доподлинно неизвестным, чем отвечает государственная «машина» научному сообществу на антидоверие. В связи с невозможностью провести социологические замеры по косвенным признакам можно сделать следующие выводы. Во-первых, к реальным государственным приоритетам относится весьма узкий сегмент науки. Отсюда позиция регуляторов где-то близка к признанию оперативной ненужности, по крайней мере, немалой части науки в её текущей конфигурации. Во-вторых, по мере неизбежного роста экзистенциальных задач регуляторы вынуждены из «тыловой науки», отвечающей на «большие вызовы», формировать непубличную «штурмовую» науку для закрытия возникающих брешей (например, заключение федеральным правительством соглашений с государственными корпорациями, крупными компаниями с государственным участием по развитию высокотехнологичных направлений⁸) или при непригодности сырья создавать «штурмовую» науку с нуля. Эти выводы не поддаются прямым доказательствам, но срочность, количество и качество принимаемых государственных мер в отношении науки вполне им соответствуют.

⁷ Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2024 год : [сайт]. URL: <https://report2024.oprf.ru/oprf/content/print/ru-RU/Report.pdf> (дата обращения: 07.05.2026).

⁸ В частности, в 2019 г. были заключены соглашения о развитии следующих направлений: «Искусственный интеллект» (ПАО «Сбербанк»), «Квантовые коммуникации» (ОАО «РЖД»); «Квантовые вычисления», «Технологии создания новых материалов и веществ» (Госкорпорация «Росатом»); «Квантовые сенсоры», «Технологии распределённого реестра», «Новые поколения узкополосной беспроводной связи для “Интернета вещей” и связи ближнего и среднего радиусов действия» (Госкорпорация «Ростех»); «Беспроводная связь нового поколения» (Госкорпорация «Ростех», ПАО «Ростелеком»); «Новые поколения микроэлектроники и создание электронной компонентной базы» (Госкорпорация «Ростех»). Далее эта практика получила продолжение: «Генетические технологии» (ПАО «Роснефть», 2020 г.); «Новые производственные технологии» (Госкорпорация «Росатом», Госкорпорация «Ростех», Госкорпорация «Роскосмос», 2020 г.); «Технологии новых материалов и веществ» (Госкорпорация «Росатом», 2020 г.); «Развитие водородной энергетики и декарбонизация промышленности и транспорта на основе природного газа» (ПАО «Газпром», 2021 г.); «Перспективные космические системы и сервисы» (Госкорпорация «Роскосмос», 2023 г.); «Оборудование для бурения и добычи на суше» (ПАО «Газпромнефть», 2023 г.) и др.

Следует подчеркнуть, что для науки в силу её сложности государственным служащим весьма трудно и невозможно сформулировать задачи по существу. Это тот редкий случай, когда объект управления более компетентен, чем управляющая система. Например, Программу фундаментальных научных исследований не сможет сформировать в автономном режиме ни один государственный институт в России, и в этих условиях государству приходится согласовывать готовый документ, представленный научным сообществом. В сложных условиях взаимодействия с ним государство прибегает к бессодержательным целям по увеличению публикационной и патентной активности, одновременно покупая лояльность целевыми установками об оплате труда научного сотрудника в размере двукратной заработной платы в соответствующем регионе.

Наряду с естественными объектами противоречий существуют искусственные «яблоки раздора» в области организации науки и оценки результативности, созданные системой управления (таблица 7). К этому перечню можно добавить фрагмент государственной политики по поддержке молодых исследователей, педалируя возрастную дискриминацию [24–26]. В работе [2] такие искусственные конкурентные предметы относятся к издержкам неолиберальной научной политики.

Таблица 7

Распределение ответов на вопрос «Какой, на Ваш взгляд, должна стать система управления наукой в России в результате в ближайшие годы <в контексте Десятилетия науки и технологий в России>?» (различные административные сценарии), %

Table 7

Distribution of answers to the question “In your opinion, what should the science management system in Russia consequently become in the coming years <in the context of the Decade of Science and Technology in Russia>?” (various administrative scenarios), %

№	Сценарий 1	Вариант ответа							Сценарий 2
		Оценки для сценария 1			«0»	Оценки для сценария 2			
		«3»	«2»	«1»		«1»	«2»	«3»	
1	Наука развивается преимущественно в университетах.	4,6	4,0	4,0	43,3	9,1	15,8	19,2	Наука развивается преимущественно в научных организациях.
2	Наукометрические показатели оцениваются на основе национальной системы научного цитирования (РИНЦ и др.).	17,1	9,9	5,6	27,2	6,2	12,0	22,0	Наукометрические показатели оцениваются в первую очередь на основе международных систем научного цитирования (например, WoS и Scopus).
3	Ставка делается на развитие отечественных научных журналов и выведение их на мировой уровень.	36,0	13,6	7,5	21,6	4,5	5,9	10,9	Ставка делается на стимулирование публикаций в зарубежных высокорейтинговых журналах.

Справочно: число ответивших респондентов – 4265 чел. Респонденту было предложено выбрать одну из цифр в зависимости от предпочтительности левого или правого вариантов (3 – «полностью поддерживаю», 0 – «и то, и другое в равной степени»). *Источник:* [21].

For reference: the number of respondents was 4,265 people. Respondents were asked to choose one of the numbers depending on the preference of the left or right options (3 – “I fully support”, 0 – “the one and the other equally”). *Source:* [21].

Вопрос о том, кому должна принадлежать главная роль в развитии российской науки – научным организациям или университетам, – вброшен относительно недавно. Немногим менее половины опрошенного научного сообщества (43,3%) не склонны видеть в этом проблему и выступили за паритетность (таблица 7, пункт 1). Другая половина респондентов разделилась на два лагеря с очевидным перевесом в пользу научных организаций (44,1% против 12,6%). Следует напомнить, что реализованные последовательно две серии мероприятий по поддержке университетов и университетской науки (программа «5–100» (2012–2020 гг.), «Приоритет-2030»⁹ (2021–2025 гг.)) не сопровождалась подобными масштабными мерами в отношении научных организаций. В настоящее время обе программы завершены (вторая программа завершена досрочно), а их эффективность и судьбоносное влияние на научную деятельность университетов остаётся неподтверждёнными.

Приоритет зарубежных журналов над отечественными в качестве наиболее предпочтительного места публикаций российских исследователей, а также зарубежных систем научного цитирования был заложен указом Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 599 «О мерах по реализации государственной политики в области образования и науки». Спустя десять лет респонденты высказались в пользу российских журналов: число сторонников развития российской научной периодики (57,1%) существенно превышает число предпочитающих продолжать поддержку публикационной активности российских исследователей в иностранных высокорейтинговых журналах (21,3%) (таблица 7, пункт 2). Только под давлением внешних обстоятельств в 2022 г. был наложен мораторий на стимулирование публикационной активности за рубежом, который формально истёк 31 декабря 2024 г.¹⁰, и на официальном уровне был сформирован «Белый список» отечественных журналов.

На фоне вынужденной национально ориентированной позиции в отношении научных журналов сохраняется заочный конфликт по вопросу выбора российской или зарубежной наукометрической оценки. В силу равных их содержательных преимуществ и недостатков безусловного доверия не получили ни российские системы цитирования («за» 32,6%), ни зарубежные («за» 40,2%) (таблица 7, пункт 3). Важно отметить, что признаваемая государством российская система оценки результативности научных исследований и разработок до сих пор так и не создана.

Тем не менее даже самые конструктивные разрешения рассмотренных трёх искусственных предметов противостояния в научном сообществе, «прошитых» в управленческих документах, не принесут существенной пользы для науки. Основная причина состоит в том, что это всё вторичные инфраструктурные вопросы, которые имеют весьма косвенное отношение к содержательным целям и задачам науки. Таким образом, в науке конкурентные механизмы

⁹ Постановление Правительства РФ от 13.05.2021 г. № 729 «О мерах по реализации программы стратегического академического лидерства “Приоритет-2030”»; постановление Правительства России от 14.08.2025 г. № 1219 «О признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» (о прекращении программы «Приоритет-2030»).

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 19.03.2022 г. № 414 «О некоторых вопросах применения правовых актов Правительства Российской Федерации, устанавливающих требования, целевые значения показателей по публикационной активности».

оперативного значения по своей сути являются непроизводительными и продуцируют в лучшем случае нулевой эффект для системы в целом. Очевидно, что ни один из механизмов не распространяется на «штурмовую» науку, которая будет работать на острие актуальных задач.

Рассмотрим теперь особенности конкуренции на самом низовом уровне, охватывающим отношения исследователей друг с другом по ряду профессиональных вопросов.

ЕСТЕСТВЕННАЯ КОНКУРЕНЦИЯ В НАУКЕ: УТРАТА СМЫСЛОВ

Как было отмечено выше, естественная конкуренция связана с пассионарностью научного сообщества. Ниже будут представлены фрагменты социологических опросов, иллюстрирующие угасший уровень исследовательской активности и вредные попустительства в профессии. Приведённые эпизоды относятся к психологическому климату естественной конкуренции, а также дефекту такого макрофактора пассионарности, как «этические нормы», проявившиеся под воздействием неопределённости исходов институциональной конкуренции на первом и втором уровнях.

В работе [4] был замерен конкурентный фон в научном сообществе с точки зрения наличия у участников опроса научных противников (таблица 8).

Таблица 8

Наличие у респондентов конкурентов или оппонентов по профильному научному направлению, %

Table 8

Occurrence of respondents' competitors or opponents in the relevant scientific field, %

	Вариант ответа			ИТОГО
	Имею	Не имею	Затрудняюсь ответить	
Конкуренты (оппоненты), к которым респондент относится недоброжелательно	25,2	62,6	12,2	100
Конкуренты (оппоненты), к которым респондент относится доброжелательно	84,9	8	7,1	100

Справочно: число респондентов, ответивших на вопрос: 1114 чел. *Источник:* [4].

For reference: the number of respondents who answered the question was 1,114 people. *Source:* [4].

Полученные ответы свидетельствуют о том, что почти 85% респондентов видят вокруг себя идейных недругов, но настроены к ним доброжелательно. Противоположное чувство свойственно 25% опрошенных. Исходя из этих данных, можно допустить, что идейная конкуренция в науке на межличностном уровне весьма невелика, т. к. она мало портит отношения между участниками конкуренции и поддерживает «священно» комфортный исследовательский климат без лишних эмоциональных помех. Данное наблюдение вполне объяснимо. При неопределённости в политической компоненте нет никакого практического смысла лишний раз «ломать копьё» с коллегами по научным

предметам, востребованность которых сомнительна. Т. е. естественная конкуренция практически утрачивает свою необходимость и минимизируется научным сообществом.

Если теоретически допустить обратное (идейная конкуренция велика в условиях доброжелательности сторон), то к данной ситуации применим тезис «только наука, ничего личного». В этом случае мы вынуждены отождествить науку с бизнесом, что также свидетельствует не в пользу первой.

В целом, из данных таблицы 8 следует, что научная сфера на $\frac{3}{4}$ представляет собой довольно тихое место, где избегают реальной конкуренции. Однако 25% опрошенных потенциально всё же готовы ругаться со своими оппонентами, в эмоциональном отношении более серьёзно относясь к научным разногласиям.

Внутреннюю конкуренцию в научном сообществе можно сравнить с конкуренцией в аквариуме, где нет хищников, а отношения между прочими обитателями при заданной кормовой базе (квазибизнесе) давно сложились, и лишь небольшая часть аквариумных резидентов может быть конфликтна, в т. ч. в силу своих личностных особенностей, а не по профессиональным причинам.

К чему же приводит такой аквариумный микроклимат? Вероятно, ответов на этот вопрос предполагается множество. Мы остановимся на одном из аспектов, подробно исследованном в работе [4], связанным с воспроизводством научных кадров. Объектом интереса был вопрос о распространённости случаев присуждения, по мнению опрошенных исследователей, «липовых» учёных степеней (таблица 9).

Таблица 9

Распределение ответов на вопрос о частоте встречаемости события в сфере присуждения учёной степени, %

Table 9

Distribution of answers to the question about the frequency of occurrence of an event in the field of awarding an academic degree, %

Вариант ответа респондента	Присуждение учёной степени соискателю, который, по мнению респондента, её не заслуживает
Никогда не сталкивался	24,5
Сталкивался редко	42,1
Сталкиваюсь часто	14,7
Явление системное, встречается постоянно	12,2
Затрудняюсь ответить	6,4
ИТОГО	100,0

Справочно: число респондентов, ответивших на вопрос: 1115 чел. Источник: [4].

For reference: the number of respondents who answered the question was 1,115 people. Source: [4].

Данные таблицы 9 показывают следующее: отсутствие накала внутренней конкуренции приводит к тому, что процесс присуждения учёных степеней, окружающий 27% участников опроса, стал порочен абсолютно либо в значительной степени. Ещё 42% респондентов в своей карьере доводилось наблюдать присуждение учёной степени недостойным, по их мнению, соискателям (таблица 9).

Это является одним из примеров ущерба от системного недостатка конкуренции на низовом уровне либо конкуренции, в которой административную победу нередко одерживают «нездоровые» силы.

Наносимый и поддерживаемый урон репутации государственному институту учёных степеней получил масштаб и не мог остаться незамеченным внутри научного сообщества, со стороны государства, а также широкой общественности. Не исключено, что запланированным или ситуативным ответом государства на размывание статуса учёной степени стало предоставление права отдельным вузам и научным организациям присваивать собственные учёные степени. В свою очередь, это неизбежно заставляет организации, выдающие дипломы, принять репутационную ответственность за компетенцию их обладателей.

Помимо ущерба системе учёных степеней недостаток конкуренции приводит к иным нарушениям научной этики (предвзятая научно-техническая экспертиза (рецензирование) с выводами, которые ожидает заказчик (заинтересованное лицо), включение в состав авторов статьи (патента) лиц, не имевших отношения к соответствующей работе) [4]. Таким образом, научная этика как одна ценностей также утрачивает смысл под влиянием нерешенности вопросов на политико-административных уровнях конкуренции в науке.

ВЫВОДЫ

Декомпозиция конкуренции в науке на три уровня показала, что сбой в принятии государством решений на первом институциональном уровне становится дезориентиром для административных решений на втором уровне и демотиватором для низового третьего уровня естественной конкуренции. На отдельных примерах показано, что интеграция представителей научного сообщества в систему государственного управления наукой привела к тому, что принимаемые решения, включая половинчатые по поводу вектора развития науки, отражают позицию либо отсутствие общей позиции научного сообщества.

Главная проблема заключается в том, что по принципиальному вопросу о векторе развития науки (первый уровень институциональной конкуренции) государство в лице своих структур вольно или невольно следует в фарватере мнения научного сообщества, которое состоит из набора трудно сводимых друг к другу альтернативных позиций. В этих условиях управляющей системе невозможно полагаться на лояльность управляемых при принятии антикризисных решений, и она избегает радикальных решений, которые спровоцируют противостояние с научным сообществом и принуждение. Меры, к которым преимущественно консервативное научное сообщество не готово, государство не инициирует, в т. ч. по причине отсутствия яркого отраслевого лидера, пользующегося авторитетом в научном сообществе и способного волевым образом реализовать эти меры.

Установлено, что консолидированная позиция научного сообщества выражается в стремлении перехватывать управление наукой у государственных структур на втором уровне институциональной конкуренции. Одной из причин данной конкуренции является недостаток доверия к системе управления, который в текущей управленческой парадигме является неустранимым.

Если перефразировать в отраслевом контексте известное изречение, то формула развития науки, сбалансированная с позиции конкуренции, может быть представлена в следующем виде: «в главном – единство, во второстепенном – конкуренция, и во всём – интересы российского общества и государства». Возвращаясь к структуре конкуренции, применённой в данной работе, отметим, что сущности с атрибутом «главное» присутствуют на первом уровне (ИК-1) и низовом уровне (ЕК-1) в макрофакторах пассионарности: «этические нормы», «язык», «семья». Остальные предметы научных споров и конкуренции являются сугубо рабочими, несмотря на любую новизну, практическую значимость научных результатов и любую ожидаемую эффективность управленческих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балацкий Е. В. Институты самоорганизации элит в китайской модели управления // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29, № 6. С. 10–29. DOI 10.15838/ptd.2025.6.140.2. EDN EYSWKI.
2. Тамбовцев В. Л. Конкуренция: условие или барьер роста научного знания? // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 143–168. DOI 10.19181/sntp.2022.4.2.14. EDN BGYZOH.
3. Балацкий Е. В. Угасание пассионарности в демографической концепции Э. Тодда // Социальное пространство. 2025. Т. 11, № 3. Ст. 2. DOI 10.15838/sa.2025.3.47.2. EDN CLKODE.
4. Гусев А. Б., Юревич М. А. Научная политика России – 2023: преодолевая кризис идентичности (по результатам социологического исследования, май – июнь 2023 г.). М. : Перо, 2024. 36 с. ISBN 978-5-00244-365-9. EDN PUUAFI.
5. Гусев А. Б., Юревич М. А. Научная политика России – 2024: санкции против менталитета. [М.], 2025. 48 с. URL: <http://castingvote.ru/results/11> (дата обращения: 13.02.2026).
6. Грэхем Л. Р. Очерки истории российской и советской науки. М. : Янус-К, 1998. 312 с. ISBN 5-8037-0007-X.
7. Дежина И. Г., Грэхем Л. Р. Наука в новой России: кризис, помощь, реформы. Ростов-на-Дону : Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 240 с. ISBN 978-5-9275-0577-7. EDN QOLEGD.
8. Степнов А. О., Грибовский М. В. Асимметричная конкуренция: классические университеты и борьба за научное лидерство в позднесоветский период // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 3 (66). С. 60–71. DOI 10.17072/2219-3111-2024-3-60-71. EDN DNHFOZ.
9. Филь М. М. Государственная политика СССР в отношении Академии наук СССР во второй половине XX века. Организационно-правовой аспект // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 1. С. 101–126. DOI 10.19181/sntp.2024.6.1.6. EDN OCSEEJA.
10. Макаренко В. П. Этатизация науки: советский опыт // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. Т. 5, № 4. С. 86–110. EDN IIWEGV.
11. Боркин Л. Я., Сайфитдинова А. Ф. Наукометрия, оценка научной деятельности ученых и научная политика в России // Биосфера. 2024. Т. 16, № 1. С. 103–143. DOI 10.24855/biosfera.v16i1.906. EDN VSTUSQ.
12. Кулешова А. В., Подвойский Д. Г. Парадоксы публикационной активности в поле современной российской науки: генезис, диагноз, тренды // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 4 (146). С. 169–210. DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10. EDN XZPHOH.

13. Балацкий Е. В. Концепция сложности и экономическая теория демократии // Общество и экономика. 2013. № 5. С. 5–24. EDN QLSGNF.
14. Юревич А. В., Юревич М. А. Мусор в науке // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91, № 8. С. 724–733. DOI 10.31857/S0869587321080107. EDN UWJCCF.
15. Ленчук Е. Б., Филатов В. И. Проекты технологического суверенитета как инструмент инновационного развития российской экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2024. Т. 17, № 3. С. 68–81. DOI 10.15838/esc.2024.3.93.4. EDN OLPSAF.
16. Доклад о реализации государственной научно-технической политики в Российской Федерации и о важнейших научных достижениях, полученных российскими учёными. М. : Российская академия наук, 2023. 332 с. ISBN 978-5-907645-08-0.
17. Гусев А. Б., Юревич М. А. Научная политика России – 2022: профессия не дороже Родины. М. : Перо, 2022. 64 с. ISBN 978-5-00204-650-8. EDN DSBAYY.
18. Фонотов А. Г. Мобилизационная модель управления наукой: pro et contra // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 135–147. DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.10. EDN NBUSEB.
19. Юревич А. В. Четыре слагаемых мобилизации российской науки // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 157–165. DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.12. EDN NJEKLP.
20. Семёнов Е. В. Мобилизационный подход в управлении наукой: между идеологией и технологией // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 2. С. 210–218. DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.18. EDN SNESBT.
21. Результаты социологического исследования «Будущее российской науки: академия и наукоёмкие отрасли», осень 2022 г. / А. Б. Гусев, И. В. Задорин, Т. А. Нестик, М. А. Юревич. М. : Перо, 2023. 108 с. ISBN 978-5-00218-419-4.
22. Семёнов Е. В. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации: качество документа // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 3. С. 53–62. DOI 10.19181/sntp.2024.6.3.5. EDN GAVOMY.
23. Гусев А. Б., Юревич М. А. Научная политика России – 2021. М. : Буки Веди, 2021. 96 с. ISBN 978-5-6041589-0-6. EDN GZPWAL.
24. Воеводина Е. В., Шихгафизов П. Ш., Мишин К. Ю. Исследовательский климат в России: барьеры реализации исследовательского потенциала молодежи // Власть. 2022. Т. 30, № 6. С. 141–151. DOI 10.31171/vlast.v30i6.9369. EDN EJZULA.
25. Иванченко О. С. Статус молодого учёного: между государственным приоритетом и неопределённостью // Управление наукой: теория и практика. 2023. Т. 5, № 1. С. 74–85. DOI 10.19181/sntp.2023.5.1.5. EDN ITAAXW.
26. Демиденко С. Ю. Кадры для науки: воспроизводство в условиях кризиса // Управление наукой: теория и практика. 2024. Т. 6, № 2. С. 203–217. DOI 10.19181/sntp.2024.6.2.14. EDN ROSTSO.

REFERENCES

1. Balatsky E. V. Institutions of elite self-organization in the Chinese management model. *Problems of Territory's Development*. 2025;29(6):10–29. (In Russ.). DOI 10.15838/ptd.2025.6.140.2.
2. Tambovtsev V. L. Competition: Provision or barrier for the growth of scientific knowledge? *Science Management: Theory and Practice*. 2022;4(2):143–168. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2022.4.2.14.
3. Balatsky E. V. The extinction of passionarity in E. Todd's demographic concept. *Social Area*. 2025;11(3):2. (In Russ.). DOI 10.15838/sa.2025.3.47.2.

4. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2023: Overcoming the identity crisis (based on a sociological study conducted in May and June 2023). [Nauchnaya politika Rossii – 2023: preodolevaya krizis identichnosti (po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya, mai – iyun' 2023 g.)]. Moscow : Pero; 2024. 36 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00244-365-9.
5. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2024: Sanctions against mentality [Nauchnaya politika Rossii – 2024: sanktsii protiv mentaliteta]. [Moscow]; 2025. 48 p. (In Russ.). Available at: <http://castingvote.ru/results/11> (accessed: 13.02.2026).
6. Graham L. R. Science in Russia and the Soviet Union: A short history [Ocherki istorii rossiiskoi i sovetskoi nauki]. Moscow : Yanus-K; 1998. 312 p. (In Russ.). ISBN 5-8037-0007-X.
7. Dezhina I. G., Graham L. R. Science in the new Russia: Crisis, aid, reform [Nauka v novoi Rossii: krizis, pomoshch', reformy]. Rostov-on-Don : Southern Federal University Press; 2009. 240 p. (In Russ.). ISBN 978-5-9275-0577-7.
8. Stepnov A. O., Gribovskiy M. V. Asymmetric competition: Classical universities and struggle for scientific leadership during the late Soviet period. *Perm University Herald. History*. 2024;(3):60–71. (In Russ.). DOI 10.17072/2219-3111-2024-3-60-71.
9. Fil' M. M. The state policy of the USSR in relation to the Academy of Sciences of the USSR in the second half of the 20th Century. The organizational and legal aspect. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(1):101–126. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2024.6.1.6.
10. Makarenko V. P. Etatization of science: The Soviet experience. *Economic Herald of Rostov State University*. 2007;5(4):86–110. (In Russ.).
11. Borkin L. J., Saifitdinova A. F. Scientometrics, assessment of scientific activities of scientists, and science policy in Russia. *Biosphere*. 2024;16(1):103–143. (In Russ.). DOI 10.24855/biosfera.v16i1.906.
12. Kuleshova A. V., Podvoiskiy D. G. Paradoxes of publication activity in the field of contemporary Russian science: Genesis, diagnosis, trends. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. 2018;(4):169–210. (In Russ.). DOI 10.14515/monitoring.2018.4.10.
13. Balatsky E. V. Concept of complexity and economic theory of democracy. *Society and Economy*. 2013;(5):5–24. (In Russ.).
14. Yurevich A. V., Yurevich M. A. Rubbish in science. *Herald of the Russian Academy of Sciences*. 2021;91(8):724–733. (In Russ.). DOI 10.31857/S0869587321080107.
15. Lenchuk E. B., Filatov V. I. Technological sovereignty projects as a tool for innovative development of the Russian economy. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2024;17(3):68–81. (In Russ.). DOI 10.15838/esc.2024.3.93.4.
16. Report on the implementation of the state scientific and technical policy in the Russian Federation and on the most important scientific achievements obtained by Russian researchers [Doklad o realizatsii gosudarstvennoi nauchno-tekhnicheskoi politiki v Rossiiskoi Federatsii i o vazhneishikh nauchnykh dostizheniyakh, poluchennykh rossiiskimi uchenymi]. Moscow : Russian Academy of Sciences; 2023. 332 p. (In Russ.). ISBN 978-5-907645-08-0.
17. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2022: Profession is not more valuable than Motherland [Nauchnaya politika Rossii – 2022: professiya ne dorozhe Rodiny]. Moscow : Pero; 2022. 64 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00204-650-8.
18. Fonotov A. G. Mobilization model of science management: Pro et contra. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):135–147. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.10.
19. Yurevich A. V. Four components of the mobilization of the Russian sciences. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):157–165. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.12.
20. Semenov E. V. Mobilization approach to science management: Between ideology and technology. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(2):210–218. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2023.5.2.18.

21. Gusev A. B., Zadorin I. V., Nestik T. A., Yurevich M. A. Results of the sociological study “The Future of Russian Science: Academy and Knowledge-Intensive Industries”, autumn 2022 [Rezultaty sotsiologicheskogo issledovaniya «Budushchee rossiiskoi nauki: akademiya i naukoemkie otrasli», osen’ 2022 g.]. Moscow : Pero; 2023. 108 p. (In Russ.). ISBN 978-5-00218-419-4.
22. Semenov E. V. Scientific and technological development strategy of the Russian Federation: The quality of the document. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(3):53–62. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2024.6.3.5.
23. Gusev A. B., Yurevich M. A. Science policy of Russia – 2021 [Nauchnaya politika Rossii – 2021]. Moscow : Buki Vedi; 2021. 96 p. (In Russ.). ISBN 978-5-6041589-0-6.
24. Voevodina E. V., Shikhgafizov P. Sh., Mishin K. Yu. Research climate in Russia: Barriers to realizing the research potential of youth. *The Authority=Vlast’*. 2022;30(6):141–151. (In Russ.). DOI 10.31171/vlast.v30i6.9369.
25. Ivanchenko O. S. The status of a young scientist: Between state priority and uncertainty. *Science Management: Theory and Practice*. 2023;5(1):74–85. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2023.5.1.5.
26. Demidenko S. Yu. Research and academic personnel: Reproduction in crisis conditions. *Science Management: Theory and Practice*. 2024;6(2):203–217. (In Russ.). DOI 10.19181/sntp.2024.6.2.14.

Поступила в редакцию / Received 17.02.2026.
Одобрена после рецензирования / Revised 23.04.2026.
Принята к публикации / Accepted 01.06.2026.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Гусев Александр Борисович info@castingvote.ru

Кандидат экономических наук, директор,
ООО «Социологическая служба “Решающий голос”», Москва, Россия
SPIN-код: 4004-6894

Юревич Максим Андреевич maksjuve@gmail.com

Кандидат экономических наук, старший научный сотрудник,
Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений имени Е. М. Примакова РАН, Москва, Россия
SPIN-код: 9792-6019

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander B. Gusev info@castingvote.ru

Candidate of Economics, Director, OOO “Sociological Service ‘Decisive Vote’”, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-9063-0601

Maxim A. Yurevich maksjuve@gmail.com

Candidate of Economics, Senior Researcher, Primakov National Research Institute
of World Economy and International Relations of the RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-2986-4825